

Научная статья
УДК 82.091
doi: 10.17223/15617793/481/2

Романы Б. Константа «Адольф» и М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: компаративная поэтика

Екатерина Витальевна Беликова¹

¹ Омский государственный университет им. Ф.И. Достоевского, Омск, Россия, e.v.belikova@bk.ru

Аннотация. Отсутствие несомненных доказательств знакомства М. Лермонтова с романом Константа «Адольф» порождает в литературоведении много различных догадок относительно взаимосвязи двух произведений. В компаративистике этот случай находится между контактологией, т.е. прямыми литературными воздействиями, и типологической близостью, вызванной не контактами, а общностью литературной парадигмы или «родством душ» разных писателей. Для проверки гипотезы «влияния» рассматриваются жанр, композиция и образы главных героев романов «Адольф» и «Герой нашего времени» с точки зрения компаративной поэтики.

Ключевые слова: М. Лермонтов, Б. Констант, «Адольф», «Герой нашего времени», компаративистика, поэтика

Для цитирования: Беликова Е.В. Романы Б. Константа «Адольф» и М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: компаративная поэтика // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 15–20. doi: 10.17223/15617793/481/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/2

Benjamin Constant's *Adolphe* and Mikhail Lermontov's *A Hero of Our Time*: Comparative poetics

Ekaterina V. Belikova¹

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, e.v.belikova@bk.ru

Abstract. The aim of the study is to analyze the genre and compositional features of Benjamin Constant's *Adolphe* and Mikhail Lermontov's *A Hero of Our Time* in a comparative aspect. To reach this aim, the author considers a brief background of the problem, reveals the originality of the genre form and structure of the novel. The research material is novels *Adolphe* by Constant and *A Hero of Our Time* by Lermontov. The research is based on the method of literary comparative studies. The comparative analysis revealed the genre similarity of Constant's *Adolphe* and Lermontov's *A Hero of Our Time*, which consists in both works' belonging to the genre of psychological ("personal," "analytical," "confessional") novel. Unlike the chamber French novel, *A Hero of Our Time* has a more complex genre and compositional design. The structure of Lermontov's novel, characterized by chronological violations, a change of narrators, fragmentarity, is original and has no parallels in French literature of the first third of the 19th century. The theory of an "influence" of the novel by Constant on *A Hero of Our Time* still remains only a hypothesis. However, the analysis confirms the undoubted creative connection of Lermontov with the European literary process of the first third of the 19th century. The similarity of the genre, composition, and the problems of the novels of Constant and Lermontov allow us to see the general direction of the development of Russian and French prose in the first third of the 19th century. *Adolphe*, as well as *A Hero of Our Time*, is a psychological novel that became widespread in European literature in the first third of the 19th century. The revealed closeness of the novels is balanced by equally striking differences in the works. *A Hero of Our Time* is much more complex than the French novel in genre terms. The peculiarity of Lermontov's novel consists in a broader coverage of reality and deeper philosophical issues, compared with the intimacy of French romantic prose. *A Hero of Our Time* has a unique composition with chronological violations, changing narrators, fragmentary construction, in which the central part is elusive. The complex genre and compositional structure of the novel, involving the play of narrative points of view, the expansion of the "objective" part is the original feature of Lermontov's novel.

Keywords: Mikhail Lermontov, Benjamin Constant; *Adolphe*, *A Hero of Our Time*, comparative studies, poetics

For citation: Belikova, E.V. (2022) Benjamin Constant's *Adolphe* and Mikhail Lermontov's *A Hero of Our Time*: Comparative poetics. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 481. pp. 15–20. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/2

Маленький роман о любви «Адольф» Бенжамена Констан (1806, 1816), как хорошо известно, оказал значительное влияние на русскую литературу. Это произведение стало «фактом не только французской, но и русской культуры. Более того, как ни парадоксально, русские читатели (а именно литераторы пушкинского круга) оценили роман раньше французских» [1. С. 18]. Пушкин, Вяземский, Баратынский стали истинными почитателями «Адольфа» сразу после его публикации.

Вопрос о том, читал ли Лермонтов роман Констан, остается открытым. «Прямых указаний у самого писателя на этот счет мы не находим; но, владея в совершенстве французским языком, Лермонтов, весьма вероятно, был знаком с романом в оригинале, как с одним из шедевров романтической литературы. Но и помимо знакомства с подлинником, поэт имел полную возможность прочесть “Адольфа” в русском переводе» [2. С. 27–28], – считает С.И. Родзевич, автор первой дореволюционной монографии, посвященной изучению французских предшественников Печорина. Л. Гинзбург, не отрицая французского воздействия на роман Лермонтова, совершенно справедливо большее значение в этом вопросе придает влиянию Байрона: «Касаясь вопроса о западноевропейских источниках “Героя нашего времени”, исследователи постоянно указывают на такие произведения, как “Рене” Шатобриана, “Адольф” Бенжамена Констан, “Исповедь сына века” Мюссе, “Оберман” Сенанкура. Все это справедливо, особенно когда речь идет не столько о конкретных совпадениях, сколько об общих тенденциях европейского романа, но несомненно и то, что по идеологической своей атмосфере “Герой нашего времени” ближе всего к Байрону, хотя Байрон не писал романов в прозе» [3. С. 163–164].

А.В. Федоров по сути отрицает связь данных произведений: «Роман Лермонтова был, несомненно, произведением передовым и являлся очень значительным шагом вперед по сравнению с романами даже таких французских авторов, как Мюссе или Бенжамен Констан, с которыми Лермонтова-прозаика сопоставляли иногда. Известная общность между ними, вовсе не предполагающая влияния или заимствования, – только в характере общей проблемы героя и испытания его жизнью. Лермонтов идет несравненно дальше в критически объективном отношении к этому герою, при всем том, что его герой – более яркая и сильная личность, чем главные персонажи упомянутых двух французских романистов» [4. С. 221–222]. Б. Томашевский подчеркивает, что «после романа Пушкина уже исключалась возможность прямого «влияния» предшествующих героев. Конечно, Лермонтов знал их всех и мог непосредственно переносить некоторые черты их на героев своего романа. Но это перенесение сопровождалось сознанием, что в русской литературе уже был дан наследник этих персонажей, как бы комментировалось образом Онегина» [5. С. 497–498].

Е.И. Кийко считает бесспорным знакомство Лермонтова с романом «Адольф»: «Следует отметить при этом, что имя Бенжамена Констан Лермонтов <...> нигде не называет, но совершенно очевидно, что с

романом “Адольф” он был знаком и непосредственно, и через творчество Пушкина» [6]. Л.И. Вольперт также считает влияние французской романтической прозы на писателя несомненным фактом: «Априори ясно: Лермонтов эти романы не просто “читал”, а профессионально “осваивал”. Известно, как гонялись в то время в России за французскими новинками. Ученые, и те, кто считал, что французская литература существенно влияла на Лермонтова (Б.В. Томашевский), и те, кто придерживался иного взгляда (А.В. Федоров), в одном сходились бесспорно: среди европейских литератур французская словесность в кругу двуязычной русской читательской аудитории того времени пользовалась наибольшей популярностью» [7. С. 269].

Несмотря на то что прямых отсылок к французской романтической прозе в тексте Лермонтова нет, среди исследователей преобладает мнение, что писателю были известны романы Шатобриана, Сенанкура, Констан, Мюссе. «Уже в XIX в. критика отмечала прямые аллюзии на “Адольфа”... в романе М.Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”» [8. С. 65]. Обратившись в «Герое нашего времени» к исследованию «истории души человеческой», Лермонтов действительно вряд ли не мог остаться вне влияния французского психологического романа первой трети XIX в. Не принимая на веру факт влияния французского автора на Лермонтова, попробуем проанализировать жанр и композицию в компаративистском аспекте.

Жанр. «Адольф» относится к тому жанру, который становился наиболее характерным для французской прозы первой трети XIX в. Это психологический роман-исповедь, роман-автобиография, запечатлевший тончайшие движения души. В литературоведении за этими произведениями закрепились термины «личный роман», «эгоцентрический роман», «аналитический роман», «лирическая исповедь» [9. С. 99]. Развертывая свое содержание в форме субъективного повествования от первого лица, произведения Констан и Лермонтова исследуют душевную жизнь героев путем самораскрытия и самоанализа. Специфику психологизма в романе Лермонтова Л.И. Вольперт связывает прежде всего с традицией французского исповедального романа: «Первый русский психологический роман *Герой нашего времени*, тесно связанный с французской психологической традицией XVIII – первой половины XIX века (от *Принцессы Клевской* М. де Лафайет до *Красного и черного* Стендаля), своим искусством исследования души во многом обязан прозе Франции и, в частности, *исповедальному роману*, впервые в европейской словесности разработавшему категорию рефлексии» [7. С. 195]. Но в отличие от романа Констан, который однозначен в своей жанровой характеристике, «Герой нашего времени» имеет более богатый диапазон жанровых оценок: личный (аналитический) роман [10. С. 250–252], «первый русский психологический роман» [7. С. 195]. Кроме того, Лермонтову удалось соединить в своем произведении черты приключенческой новеллы («Гамань»), путешествия и путевых записок («Бэла», «Максим Максимыч»), психологической повести-рассказа («Княжна Мэри»), философского рассказа

(«Фаталист»). Согласимся с глубоким выводом Л.И. Вольперт о том, что «объединив несколько повествовательных манер, Лермонтов впервые в русской литературе создал жанр, не поддающийся однозначной дефиниции: это одновременно роман психологический, философский и любовно-авантюрный. Сложная архитектура романа, обрисовка героя «со стороны» – одна из гарантий объективного изображения protagonista и, в то же время, залог неповторимости прозы Лермонтова...» [7. С. 289].

Своеобразие жанра романа «Адольф» в его камерности. В нем, как писал автор в Предисловии к третьему изданию, «только два действующие лица, пребывающие всегда в одинаковом положении» [11. С. 35]. «Адольф» – роман о «нелюбви», максимально освобожденный от социального и исторического контекста» [1. С. 425]. В произведении почти совершенно стерт внешний фон и все материальное растворяется в психологии. На протяжении трех лет совместной жизни Адольфа и Эленоры происходит ряд событий, которых хватило бы на весьма динамичный роман (герои несколько раз переезжают, дают светские приемы и т.д.), но у читателя возникает впечатление, что в нем почти ничего не происходит. Это связано с тем, что интерес автора-повествователя всецело сосредоточен на собственных душевных переживаниях и мучительном самоанализе.

Композиция. Влияние Констана ощущается уже в структуре и композиции «Героя нашего времени». В обоих романах есть «**объективная**» (повествование от лица рассказчика) и «**субъективная**» (повествование от лица главного героя) части. В «Адольфе» функцию «объективного» повествования выполняют предисловие «От издателя» и заключительные письма: «Письмо к издателю» и «Ответ». Эти части произведения образуют раму, в которую вложена собственно рукопись Адольфа. Рамочные элементы здесь занимают немного места и содержат самую общую информацию о герое, обстоятельствах получения и издания его рукописи. В завершающих роман письмах также заключена оценка героев со стороны издателя и его знакомого и «мораль», извлекаемая из прочитанной истории («Главное дело в жизни есть скорбь, которую наносим, и самая замысловатая метафизика не оправдывает человека, раздразнившего сердце, его любившее») [11. С. 91].

«Объективное повествование» («Бэла», «Максим Максимыч») в «Герое нашего времени» намного обширнее и самоценнее, чем подобные рамочные элементы у Констана. Это дало возможность Лермонтову глубже и полнее осветить характеры героев, окружавших Печорина, нравы и быт горцев, а также дать более объективную, объемную «внешнюю» характеристику protagonista.

Совершенно необычная структура романа Лермонтова не имеет полных аналогов не только с романом «Адольф», но и со всей французской прозой первой трети XIX в. В композиционном отношении «Герой нашего времени» до некоторой степени сближается с восточными поэмами Байрона, в которых события излагаются непоследовательно и фрагментарно и

фиксируют только самые напряженные моменты в развитии сюжета. Благодаря ломаной, фрагментарной композиции романа Лермонтов имел возможность передать неустроенность судьбы Печорина.

Остановимся на одной явной параллели, сближающей произведения Констана и Лермонтова. Это эпизоды передачи и публикации записок Адольфа и Печорина, сходство которых в обоих текстах отметил уже С.И. Родзевич: «Дорожный случай сталкивает двух путешественников, из которых один – будущий герой романа, другой – издатель его. Записки будущего героя третьим лицом передаются будущему издателю их. Через некоторое время обстоятельства складываются так, что записки могут быть опубликованы. Эту же схему с некоторыми изменениями имеем мы и в «Герое нашего времени»» [2. С. 17]. Так же, как и Констан в «Адольфе», Лермонтов случайно сводит своих героев в гостинице, в дороге, становящейся здесь символом непредсказуемости человеческих судеб. И так же случайна судьба рукописей героев, которые были бы утрачены, если бы не забота хозяина гостиницы, приславшего найденный на дороге ларчик будущему издателю записок («Адольф»); или любопытство проезжающего литератора, спасшего бумаги Печорина от угрозы Максима Максимыча наделать из них патронов («Герой нашего времени»). Но если отношение Адольфа к своей рукописи и причина ее потери в дороге остаются для нас неизвестными, то Печорин выказывает полное безразличие к собственным дневникам («Что хотите!») [12. С. 491] – ответ на вопрос штабс-капитана о том, что делать с его бумагами. Это свидетельствует о крайней отрешенности Печорина как от прошлого, так и от настоящего, поскольку его уже несколько не интересует, к кому могут попасть его личные записки.

Герой. Адольфа из одноименного романа Бенжамена Констана и Печорина сближает общая для романтических героев психология: мотивы одиночества, отчуждения от общества, погруженности во внутренний мир. Так, Адольф на протяжении всего романа занят только собою и своими чувствами. Пожалуй, только один раз он отвлекается от постоянного самоанализа и поднимается до уровня философских обобщений в довольно лаконичном пейзажном описании (единственном, которое есть в книге): «День угасал; небо было чисто; поля пустыли; работы людские кончались; люди предавали природу себе самой. Думы мои означились постепенно оттенками более строгими и величавыми. Мраки ночи, густевшие беспрестанно, обширное безмолвие, меня окружавшее и передаваемое одними отзывами редкими и отдаленными, заменили мое волнение чувством более спокойным и благоговейным... Я давно не испытывал ничего подобного: беспрерывно поглощаемый размышлениями всегда личными, всегда обращающий взоры на свое положение, я сделался чуждым всякому общему понятию; я занят был только Эленорою и собою...» [6. С. 73]. Однако умиротворенное настроение, ставшее результатом философских размышлений о смерти, вскоре сменяется «нетерпением довольно тяжким» [6. С. 74] из-за мыслей о постоянном контроле со сто-

роны Эллиеноры, а затем нежным умилением от радостной встречи с нею и далее вновь смутным волнением – и это спектр чувств героя только за одни сутки. Не только «раздвоенность человеческой психики», в которой, по мнению А. Ахматовой, заключается новизна романа [7. С. 88–89], но и зыбкость и непостоянство чувств составляют психологическую доминанту характера Адольфа. Он и сам не устает удивляться хаотичности собственного внутреннего мира. Его образ лишен всякой устойчивости и твердости и находится в постоянном движении.

Эти безволие и вечные колебания, по мысли В. Мильчиной, делают Адольфа и его автора, который передал своему герою собственный психологический склад, «человеком романтической эпохи. Ибо отсутствие воли было одним из главных диагнозов, который писатели той эпохи ставили героям своего века» [8. С. 25]. Уточним, что это преимущественное свойство французских героев-романтиков. Можно вспомнить «смутность страстей», смешанность чувств, носящих зачастую зыбкий, неопределенный или непостижимый характер у героев Шатобриана. То же относится и к роману А. Мюссе «Исповедь сына века», герой которого испытывает безволие, нерешительность и ощущение двойственности своей натуры.

Адольф страдает от своей нерешительности и, пытаясь разорвать отношения, еще сильнее связывает себя ненужными ему узами. Он постоянно сетует на свое бездействие, пристально анализируя чувства, которые меняются каждую минуту. Адольф так часто укоряет себя за медлительность и слабование, что это невольно напоминает нам образ Гамлета. Борьба со злом приняла у него форму психологического конфликта, его узурпатором является Эллиенора, от власти которой он всеми силами стремится освободиться. «Пращи и стрелы яростной судьбы» заменены метафизикой сложных любовных отношений, «Дания-тюрьма» – адом совместной жизни, откладываемая месть – затянувшимся расставанием.

Саморефлексия Печорина не отнимает у него способности действовать. Он лишен «гамлетовского комплекса» бездействия, которым страдает Адольф. Русский герой обладает волей, сильным характером и внутренней независимостью. Его сложно представить в подчиненной роли. «Одно мне всегда было странно: я никогда не делался рабом любимой женщины; напротив, я всегда приобретал над их волей и сердцем непобедимую власть, вовсе об этом не стараясь» [5. С. 517]. Кругозор Печорина шире, чем в повести Адольфа, замкнутый на мельчайших душевных движениях. В журнале лермонтовского героя не только психология, но обрисовка характеров и поступков других людей, великолепные картины природы, философские раздумья.

Очевидно, что из «Героя нашего времени» роману Константа более всего близка повесть «Княжна Мэри». Их объединяет любовная интрига, тема обольщения и игры в чувства. Адольф, соблазняющий Элеонору из смешанного чувства любви и тщеславия, напоминает Печорина, не любящего Мэри, но, тем не менее, упорно, по «системе», добивающегося ее взаимности.

Тем не менее в общей схеме любовной интриги, присутствующей в обоих произведениях, есть важные различия.

Герой Константа начинает свое повествование достаточно традиционно, взяв за точку отсчета некое значимое событие, в данном случае – окончание курса в Геттингенском университете и прибытие в город Д***. В начале исповеди Адольф сообщает «предысторию», которая настраивает читателя на плавный и последовательный рассказ: непростые отношения с отцом, идущие с детства, особенности собственного характера, ставшего результатом дисгармоничного воспитания. Печорин также начинает свой рассказ с упоминания о приезде в Пятигорск и довольно быстро переходит к описанию встречи с Грушницким и княжной Мэри, становящейся завязкой любовной интриги. Но его жизнь до отъезда на Кавказ никак не освещается (за исключением упоминания о таинственной петербургской «истории»), мы ничего не узнаем о его семье, детских и юношеских годах («толстую тетрадь», содержащую «всю жизнь» героя, издатель, странствующий литератор, обещал нам опубликовать позже). И в целом повествование в романе «Герой нашего времени», более динамичное, лишенное плавной последовательности и хронологической связности, создает вокруг Печорина атмосферу таинственности.

Оба героя молоды (их возраст указывается авторами: Адольфу 22 года, Печорину, по оценке Максима Максимыча, около 25 лет). Но если Адольф только вступает во взрослую жизнь и имеет мало опыта в любовных отношениях, то Печорин обнаруживает прекрасное знание и женщин, и «науки страсти нежной». При почти равном возрасте Печорин в сравнении с Адольфом пресыщеннее и «старее» душой. Он начинает следить за развитием отношений княжны Мэри и Грушницкого и разрабатывает собственную «систему», вызывая в княжне сначала раздражение, потом благодарность, любопытство и, наконец, любовь, но сам точно не понимает, с какой целью он это делает. Анализируя свои чувства к Мэри, Печорин стремится дойти до сути, обнажая страшные глубины своей души, отравленной злом, себялюбием и демоническим упоением властью. «Я часто спрашиваю себя, зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь?... Я чувствую в себе эту ненасытную жажду, поглощающую все, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы... первое мое удовольствие – подчинять моей воле все, что меня окружает; возбуждать в себе чувство любви, преданности и страха – не есть ли первый признак и величайшее торжество власти?...» [5. С. 528–529].

И при этом временами Печорина охватывает скука: «Я все это знаю наизусть – вот что скучно!» [5. С. 532]. Как это не похоже на предвкушение любви у Адольфа: «До той поры я не имел ни с одной женщиной связи, лестной для моего самолюбия: казалось, новое будущее разоблачилось в глазах моих; новая

потребность отозвалась в глубине моего сердца» [6. С. 42]. Но тут же герой, привыкший к доскональному анатомированию чувств, продолжает: «В этой потребности было, без сомнения, много суетности: но не одна была в ней суетность; может статься, было ее и менее, нежели я сам полагал. Чувства человека смутны и смешанны; они образуются из множества различных впечатлений, убегающих от наблюдения; и речь, всегда слишком грубая и слишком общая, может послужить нам к означению, но не к определению оных» [6. С. 42].

Адольф не может разобраться в своих чувствах, сложное внутреннее борение между желанием нравиться, нетерпением, самолюбием и застенчивостью заставляют его, как всегда, затягивать объяснение. «Кто стал бы читать в сердце моем в ее отсутствие, тот почел бы меня соблазнителем холодным и малочувствительным. Но кто увидел бы меня близ нее, тот признал бы меня за любовного новичка, смятенного и страстного» [6. С. 45]. Не в силах побороть свою нерешительность Адольф делает любовное признание в письме. Когда Эленора отказывает ему и уезжает, игра в любовь переходит в настоящее чувство, которое целиком поглощает Адольфа: «Любовь, которую за час перед тем я самохвално лукавил, казалось, господствовала во мне с иступлением» [6. С. 46]. Подобная трансформация есть и у Печорина: «Я не видал ее! Она больна! Уж не влюблен ли я на самом деле?.. Какой вздор!» [5. С. 537]; «Что же это такое? Неужели я влюблен?.. Я так глупо создан, что этого можно от меня ожидать» [5. С. 539]). Адольф, вначале ободряющий Эленору из тщеславия, затем переживает настоящую любовную эйфорию: «Я видел в ней создание небесное: любовь моя походила на поклонение...» [6. С. 52]. В случае же с Печориным сохраняется тайна чувства, герой даже сам не смог бы ответить, что он испытывает: сильнейшую страсть или желание острых ощущений для энергетической «подпитки». Даже в самые волнующие моменты он продолжает рефлексировать и подвергать, саркастическому анализу свои чувства. И, наконец, страх потерять свободу заставляет Печорина бездушно оборвать отношения с княжной («...Я вас не люблю» [5. С. 543]). Его мятежную душу манят туманные дали, море и «желанный парус», являющиеся в поэтическом языке Лермонтова символом свободной бурной жизни.

В отличие от романа Констана, в котором прослеживается только одна любовная линия, у Лермонтова мы имеем дело с любовным треугольником: Печорин – княжна – Вера. В монографии С.И. Родзевича отмечено сходство образов Эленоры и Веры. «В отношениях Печорина к Вере мы наблюдаем те же психологические противоречия, что и в отношениях Адольфа к Эленоре. Оба они как бы тяготеют любовью к ним; но в то же время, когда наступает момент разрыва, в них возникает сложное чувство. Это – ощущение своего одиночества вне исчезающей любви» [2. С. 21]. Эленора и Вера, будучи замужем, жертвуют многим ради любви. Но Эленора открыто нарушает законы света и ради любви к Адольфу жертвует своим стабильным, хотя и двусмысленным

семейным положением, репутацией в свете, детьми. Она более независимая и сильная личность, способная пойти против сурового мнения света. В русском варианте тема адюльтера решена более мягко и скрытно, без вызывающего разрыва с семьей и общественным мнением. После ссоры с мужем, которому стало известно об измене, Вера окончательно и беспрекословно расстается с Печориным.

В развитии любовных линий романов образы Адольфа и Печорина сближает роль инициатора любовной интриги, игра в любовь и сложность психологических побуждений. Интересен и общий мотив перехода игры в настоящее чувство, подчеркивающий психологическую сложность и неоднозначность душевного мира героев. Однако в Печорине нет ни робости, ни восторженности чувств, ни сентиментального многословия Адольфа. В целом Адольф более чувствительная натура, Печорин же – головная, рассудочная. И конечно, многое определяется тем, что Адольф впервые переживает любовное смятение, бессонницу и слезы, Печорин же намного более искушен в любви. При этом Печорин хуже и страшнее своего французского прообраза. Адольф боится даже опечалить Эленору и уже при мысли об этом чувствует угрызения совести. Печорин же хладнокровно играет человеческими судьбами, он демонически притягателен и аморален. Его жизнь – погоня за острыми ощущениями и утраченными чувствами. Безжалостная игра с Мэри, затем жестокое вмешательство в судьбу Бэлы, приведшее к ее смерти, – эта утонченная «эстетика зла», которая проецируются не столько на французскую романтическую прозу первой трети XIX в., сколько на рокайльный роман XVIII в. и байронических героев. В то же время «Лермонтов награждает Печорина множеством недостатков, но при этом ни на минуту не упускает из виду сверхзадачу: придать герою обаяния. Оно – в мощи ума, в мужестве строгого самоотчета, в бесстрашии заглядывания в самые темные уголки души. В герое есть и другие достоинства (смелость, способность к благородным порывам, артистизм), но эти качества значимы именно на фоне его блистательного интеллектуализма» [9. С. 266–267].

Завершая наше сопоставление, приведем взвешенный вывод С.И. Родзевича: «Говоря о влиянии “Адольфа” на “Героя нашего времени”, мы не имеем в виду придавать ему решающего значения в процессе создания романа нашего писателя, мы далеки также и от мысли признать это влияние резко выраженным, то есть сказавшимся в более или менее близком подражании Лермонтова “Адольфу”. В “Герое нашего времени” мы видим сложное целое. При анализе романа надо иметь в виду и некоторые элементы байронизма, и влияние Марлинского, сказавшееся до некоторой степени в “Бэле”, и автобиографический элемент. Попытка сопоставить “Адольфа” с “Героем нашего времени” имела своей целью определить, в чем можно видеть “реминисценцию” Адольфа в нашем романе» [2. С. 27]. Выявленная нами близость романов «Адольф» и «Герой нашего времени» уравнивается столь же разительными отличиями произведений. Сходство жанра, композиции, проблем романов Констана и Лермонтова

помогают увидеть общее направление развития русской и французской прозы первой трети XIX в. «Адольф», как и «Герой нашего времени», является психологическим («личным», «аналитическим», «исповедальным») романом, получившим широкое распространение в европейской литературе первой трети XIX в. Но при этом жанр «Героя нашего времени» намного сложнее и богаче французского романа. Уникальность романа Лермонтова состоит в более широком, по сравнению с камерностью французской роман-

тической прозы, охвате реальности и углублении философской проблематики. «Герой нашего времени» получает уникальное композиционное оформление, характеризующееся хронологическими нарушениями, сменой рассказчиков, фрагментарностью построения, в котором центральная часть оказывается неуловима. В более сложном композиционном строении романа, предполагающем игру повествовательными точками зрения, расширении «объективной» части состоит самобытное свойство романа Лермонтова.

Список источников

1. Мильчина В. О Бенжамене Констане и его автобиографической прозе // Констан Б. Проза о любви / пер. с фр., ст. и коммент. В. Мильчиной. М., 2006. С. 17–34.
2. Родзевич С.И. Предшественники Печорина во французской литературе. Киев, 1913.
3. Гинзбург Л. Творческий путь Лермонтова. Л., 1940. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/gin/gin-001-.htm> (дата обращения: 05.07.2021).
4. Федоров А. Творчество Лермонтова и западные литературы // Литературное наследство. Т. 43/44. М., 1941. Кн. I. С. 129–226.
5. Томашевский Б. Проза Лермонтова и западноевропейская литературная традиция // Литературное наследство. Т. 43/44. М., 1941. Кн. I. С. 469–516.
6. Кийко Е.И. «Герой нашего времени» Лермонтова и психологическая традиция во французской литературе // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С. 181–193. URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/kijko-franciya.htm> (дата обращения: 05.07.2021).
7. Вольперт Л.И. Лермонтов и литература Франции. Тарту, 2010. URL: https://ruthenia.ru/volpert/Volpert_2010.pdf (дата обращения: 05.07.2021).
8. Корнилова Е.Н. Архетипическая модель в романе Бенжамена Констана «Адольф» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. № 1. С. 64–82.
9. Бочкарева Н.С. К проблеме изучения западноевропейского романтизма в вузовском курсе (учебные пособия Р.Ф. Яшенкиной) // Филологический класс. 2019. № 1 (55). С. 97–101.
10. Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. М.; Л., 1961.
11. Констан Б. Проза о любви / пер. с фр., ст. и коммент. В. Мильчиной. М., 2006.
12. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Избранные сочинения / ред. кол.: Г. Беленький, П. Николаев и др. М., 1987.

References

1. Mil'china, V.O. (2006) Benzhamene Konstane i ego avtobiograficheskoy proze [About Benjamin Constant and his autobiographical prose]. In: Constant, B. *Proza o lyubvi* [Prose about Love]. Translated from French by V. Mil'china. Moscow: O.G.I. pp. 17–34.
2. Rodzevich, S.I. (1913) *Predshestvenniki Pechorina vo frantsuzskoy literature* [Pechorin's Predecessors in French Literature]. Kiev: tip. T.G. Meynandera.
3. Ginzburg, L. (1940) *Tvorcheskiy put' Lermontova* [Lermontov's Creative Path]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/gin/gin-001-.htm> (Accessed: 05.07.2021).
4. Fedorov, A. (1941) *Tvorchestvo Lermontova i zapadnye literatury* [Lermontov's work and Western literature]. *Literaturnoe nasledstvo*. 43/44 (1). pp. 129–226.
5. Tomashevskiy, B. (1941) *Proza Lermontova i zapadnoevropeyskaya literaturnaya traditsiya* [Lermontov's Prose and Western European Literary Tradition]. *Literaturnoe nasledstvo*. 43/44 (1). pp. 469–516.
6. Kiyko, E.I. (1985) "Geroy nashogo vremeni" Lermontova i psikhologicheskaya traditsiya vo frantsuzskoy literature [Lermontov's A Hero of Our Time and the psychological tradition in French literature]. In: Chistova, I.S. (ed.) *Lermontovskiy sbornik* [Lermontov's Collection]. Leningrad: Nauka. pp. 181–193. [Online] Available from: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/kijko-franciya.htm> (Accessed: 05.07.2021).
7. Vol'pert, L.I. (2010) *Lermontov i literatura Frantsii* [Lermontov and the Literature of France]. Tartu: [s.n.]. [Online] Available from: https://ruthenia.ru/volpert/Volpert_2010.pdf (Accessed: 05.07.2021).
8. Kornilova, E.N. (2017) Arkhetipicheskaya model' v romane Benzhamena Konstana "Adol'f" [Archetypal model in Benjamin Constant's novel Adolphe]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 1. pp. 64–82.
9. Bochkareva, N.S. (2019) K probleme izucheniya zapadnoevropeyskogo romantizma v vuzovskom kurse (uchebnye posobiya R.F. Yashen'kinoy) [On the problem of studying Western European romanticism in the university course (tutorials by Raisa Yashenkina)]. *Filologicheskii klass*. 1 (55). pp. 97–101.
10. Eykhenbaum, B.M. (1961) *Stat'i o Lermontove* [Articles on Lermontov]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
11. Constant, B. (2006) *Proza o lyubvi* [Prose about Love]. Translated from French by V. Mil'china. Moscow: O.G.I.
12. Lermontov, M.Yu. (1987) *Geroy nashogo vremeni* [A Hero of Our Time]. In: Lermontov, M.Yu. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Информация об авторе:

Беликова Е.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного университета им. Ф.И. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: e.v.belikova@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Belikova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: e.v.belikova@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.01.2022;
одобрена после рецензирования 03.07.2022; принята к публикации 31.08.2022.

The article was submitted 28.01.2022;
approved after reviewing 03.07.2022; accepted for publication 31.08.2022.